

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-281-283

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научная конференция «Международные Набоковские чтения» прошла в Санкт-Петербурге с 19 по 23 июля 2022 года. Как и в прошлом году, она проводилась в очном и онлайн-форматах с трансляцией на YouTube-канале Пушкинского Дома.

В рамках конференции 19 июля в Библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошла лекция П. В. Бояркиной (Санкт-Петербург) «„Лолита“ — история любви или?..», на которой был рассмотрен ряд современных литературных переосмыслений набоковского романа и даны ответы на вопросы о том, как внелитературный контекст влияет на новое понимание классических сюжетов и как с набоковскими приемами работают современные писательницы.

В первый день конференции, 21 июля в большом конференц-зале Пушкинского Дома открылась выставка материалов из коллекции ИРЛИ РАН, посвященная 152-й годовщине со дня рождения отца писателя, В. Д. Набокова.

Чтения начались с приветственных слов директора Пушкинского Дома В. В. Головина и председателя оргкомитета конференции Т. О. Пономаревой.

Утреннее заседание первого дня началось с доклада О. Ю. Сконечной (Москва) «О возможном прототипе Фальтера», одного из самых загадочных персонажей Набокова. В герое рассказа «Ultima Thule» были обнаружены черты знаменитого русского философа, популяризатора оккультной и естественно-научной мысли Ф. Успенского. Докладчица показала, что следы биографии философа-эмигранта, а также отзвуки его идей и метафор присутствуют в истории Фальтера, его мыслительных построениях и характере передачи собственного мистического опыта.

В докладе В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «Визуальность у Набокова: между автореференцией и автокоммуникацией» был впервые проанализирован прием визуализации в письмах писателя к невесте и жене. Докладчик сопоставил частотность использования приема в письмах и произведениях 1920–1930-х годов и предложил ряд гипотез, позволяющих, с одной стороны, заглянуть в творческую лабораторию Набокова, а с другой — проследить за тем, как писатель формировал у Веры Евсеевны, главного своего читателя, эффективную практику чтения.

Е. Г. Трубецкова (Саратов) выступила с темой «Мотив страха в рассказах В. Набокова», выделив и проанализировав типологию изображения различных видов страха на примере произведений «Ужас», «Совершенство», «Лик», «Занятый человек», «Посещение музея», «Подлец».

В сообщении «О советизации речи героев в романах М. А. Алданова и В. В. Набокова» В. В. Шадурский (Великий Новгород) обратил

внимание на необходимость рассмотрения советских реалий, нашедших отражение в художественном языке обоих писателей. В речи героев Алданова встречаются игровые элементы, характерные для речи русских эмигрантов 1920–1930-х годов: использование в родном языке лингвистических средств других языков — это объяснялось докладчиком тем, что алдановские персонажи получили воспитание еще в Советской России. Также были проанализированы авторский перевод «Лолиты» и статья А. А. Бабикова «Большая реставрация. Русская версия „Лолиты“: от рукописи к книге», в результате сделаны выводы, что причина советизации речи Гумберта состоит не только в желании Набокова пробиться к аудитории соотечественников, но и в попытке продемонстрировать языковую игру на новом уровне.

Вечернее заседание открылось докладом О. Ю. Ворониной (США) «„Я сам назвал это озеро...“: сюжет неволи и спасения в стихотворении Набокова „Строки, написанные в Орегоне“ (1953)». Это стихотворение часто рассматривается как «магический» текст, отражающий отношение Набокова к переезду на Североамериканский континент как чему-то окончательному и благоприятному. В докладе же предлагалась опровергающая такой подход интерпретация, основанная на анализе трех подтекстов стихотворения: «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго, «Трилогия страсти» И.-В. Гете, и «Синей птицы» М. Метерлинка. Обращение лирического героя к «Эсмеральде» сопоставлялось с мотивами пыток, разрушений, чащи, манящей путников в мрачную неизвестность. Образ «легендарного дуба», связанный с почитаемыми в Германии дубами Гете, рассматривался не только как аллюзия на стихотворение, посвященное юной Ульрике фон Левецов, но и как насыщенная трагическим смыслом отсылка к Бухенвальду, в котором под «Дубом Гете» пытали и казнили заключенных.

В докладе «Роман „Дар“ на фоне истории и теории *Künstlerroman*'а» Л. Панова (США) предприняла попытку определить жанровые характеристики набоковского произведения. «Дар» возник на скрещении нескольких жанровых тенденций: как западного *Künstlerroman*'а, так и русского, зародившегося в эмиграции (включая три романа самого Набокова, посвященные взрослению молодых людей). Роман был, очевидно, задуман Набоковым как новое слово в существующей *Künstlerroman*'ной традиции. В рамках предложенной схемы были проанализированы образ протагониста «Дара», его творческое взросление и серия его неудач, рассмотрены особая металитературная проблематика и другие элементы вплоть до заглавия. В докладе были выявлены прежде неотмеченные интертексты *Bildungs-* и *Künstlerroman*'ов.

Первый день конференции завершился круглым столом «Литература диаспоры: современные подходы к изучению» с участием М. Рубинс (Великобритания), Д. М. Бетеа (США), П. Дэвидсон (Великобритания), А. Ваннера (США), А. А. Долинина (США) и Д. В. Токарева (Санкт-Петербург).

Первое заседание второго дня открылось докладом В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) «Темные аллеи Антитерры: бунинские мотивы в романе Набокова „Ада“». По ряду причин многие образы, мотивы и сюжетные коллизии набоковско-го романа, связанные с любовными отношениями между персонажами и с фантазмагори-ческим миром Антитерры, где сочетается русский и европейский колорит, восходят к поздним произведениям Бунина и в особенности к его программному сборнику рассказов «Темные аллеи». Исследовательница показала, что «Ада» представляет собой не столько продолжение многолетней полемики Набокова со старшим писателем, сколько предельно концентри-рованный пастиш рассказов и повестей Бунина, а в отдельных случаях — пародию на них.

Л. Н. Рязузова (Краснодар) выступила с сообщением «Модусы „рассказоведения“: „индивидуальная общность“ историко-литературного нарратива Д. П. Святополк-Мирского и В. В. Набокова». В докладе были рассмотрены некоторые эстетические принципы и приемы историко-литературных обобщений у Святополк-Мирского и Набокова. В центр исследования была помещена проблема речевого мировоззрения авторов, метафоричность их научного мышления, — актуальных и недостаточно изученных аспектов творческого наследия. Были сопоставлены категориальные аппараты Святополк-Мирского и Набокова, в частности, проводились параллели в области проблем эволюции художественного видения, литературного процесса, его курьезов и парадоксов, теории романа, поэтики перевода. Так, например, «переводимость / непереводимость» — важный критерий оценки произведений для англоязычного читателя у обоих писателей. В результате исследования сделан вывод об индивидуально-авторском видении двумя авторами исторической топологии и концептологии русской литературы, выявлении «вех», «штрихов», «шедевров», формирующих в читательском восприятии ее «культурный синтез».

М. В. Прокофьев (Санкт-Петербург) в докладе «В поисках автора, или решение „парадокса лжеца“ в „Даре“ В. Набокова» опровергает основной аргумент исследователей, утверждающих, что писатель Федор Годунов-Чердынцев, главный герой «Дара», не является автором этого романа — так называемый парадокс лжеца: Федор говорит своей возлюбленной, что не стал бы сочинять автобиографию. Получается, что или в «Даре» рассказана подлинная жизнь Годунова-Чердынцева, но книгу написал отличный от него автор; или книга написана кем-то, скрывающимся за маской Годунова-Чердынцева, но события жизни неизвестного искажены. Анализ вымышленной рецен-

зии на поэтический сборник героя заставляет обратиться ко второму варианту: неизвестным оказывается сам Набоков, «перетасовавший, перекрутивший, смешавший» события своей жизни и тем самым осуществивший слияние романного мира с миром реальным.

А. В. Борискина (Краснодар) выступила с сообщением «„Голоса стихов“: металитературная топика В. В. Набокова».

В докладе А. О. Филимонова (Санкт-Петербург) «Недоносок Е. Боратынского как прообраз персонажей В. Набокова» была сформулирована концепция «недоносности» как невозможности индивида окончательно погрузиться в материю и стать ее органичной составляющей, это либо приводит к трагедии, либо содействует раскрытию необычных способностей. Такой индивид может быть наделен даром пророчества, он может слышать музыку сфер. Однако он плохо приспособлен к реальной жизни. У Набокова к подобным талантливым персонажам можно причислить, например, Цинцинната, Лужина, Федора Годунова-Чердынцева — и именно эти герои в то же время ощущают себя изгнанниками.

Второе заседание началось с доклада Е. А. Томашевской (США) «Тропы безумия и девиантного поведения в романах В. Набокова» и продолжилось сообщением Д. И. Сергеева (Санкт-Петербург) «„A Master of the Sunset“ и другие секреты „набоковских“ земель».

В центре выступления Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) «Неожиданный корреспондент: из переписки Набокова с современниками» находилась ранее неизвестная переписка семьи Набоковых с Верой Трейлл (Верой Александровной Гучковой, по первому мужу — Сувчинской), английским литератором и переводчиком. Небольшая по объему, но эмоционально яркая переписка 1970-х годов содержит много информации как о личностях ее участников, так и об идейной атмосфере того времени.

Последним на заседании секции был прочитан доклад Н. Л. Елисеева (Санкт-Петербург) «Владимир Набоков и Альфред Хичкок».

А окончанием второго дня конференции стал круглый стол, в ходе которого был представлен первый выпуск историко-литературного альманаха «Набоков и наследники», выпущенный издательством «Симпозиум» и содержащий, в частности, материалы прошлогодней конференции. В обсуждении приняли участие главный редактор издательства «Симпозиум» А. К. Кононов, а также ответственные редакторы издания О. Ю. Сконечная, Т. О. Пономарева и О. А. Дмитриенко.

Заключительный день конференции начался с выступления Д. Поттера (Австралия) «Прокладывая курс в дальних северных водах „Бледного огня“ из другого полушария», в котором сопоставлялись архетипы отца в «Бледном огне» В. Набокова и «Мертвом отце» Д. Бартелми.

В докладе Е. Д. Толстой (Израиль) «„Не великий писатель, хотя и очень милый“: Тургенев как представитель Набокова в XIX веке» была предпринята попытка типологически сблизить творчество двух писателей, а также

рассматривались суждения Набокова о Тургеневе и тургеневские аллюзии в набоковском творчестве. Ироничное отношение к Тургеневу оформилось у Набокова в период «Дара» и закрепилось в конце 1940-х годов, когда он стал преподавателем русской литературы. В лекциях он выдвинул целый ряд экстравагантных и не очень обоснованных суждений, опираясь порой не на цитаты, а на память. В итоге вместо Тургенева — первопроходца и основоположника русской европейской прозы, совершившего в ней революцию, которую Л. В. Пумпянский сравнивал с революцией Пушкина в поэзии, у Набокова получился потешный муляж.

В сообщении М. Вайскопфа (Израиль) «Набоков в борьбе с черносотенством и тиранией» особое внимание было уделено тому, что в годы Второй мировой войны и затем, после победы над Германией, Набоков, в отличие от множества эмигрантов, впадших в патриотизм советско-черносотенного типа, сохранил ненависть к Сталину и его свирепому государству. В докладе прослеживались не отмеченные ранее источники соответствующих установок (в частности, наследие Г. Гейне), отразившихся в рассказе «Истребление тиранов» и романе «Bend Sinister».

Ж. Хетени (Венгрия) в докладе «Заметки к зеркальности: В. Набоков и Б. Пастернак» остановилась на трех аспектах сопоставления творчества писателей: в общем обзоре возможных направлений компаративных исследований; на выявлении параллелей в двух ранних программных текстах Набокова и Пастернака («Путеводитель по Берлину» и «Черный бокал»); а также на анализе заглавного образа стихотворения Пастернака «Зеркало» и того же образа во всем творчестве Набокова.

М. Минская (США) сделала сообщение на тему «„Хочу воспеть Свободу миру!“: стихи из альбома».

Доклад Р. Волковой (США) «„И пробуждается поэзия во мне“: возвращаясь к „первому стихотворению“» был посвящен переведенной Набоковым на русский язык «Главе 11» из автобиографической книги «Память, говори!». Одним из центральных сюжетов этой главы является рождение поэта в условиях разрушения культуры и цивилизационных норм, связанного с началом Первой мировой войны. Поиск новой поэтической идеи приводит к прощанию с грезами XIX века, с рифмами типа «розы-березы». Основным концептом жестокого XX века становится пролитая кровь. Первый импульс начинающему поэту дает его рефлексия по поводу детской книги «Путешествие капли крови» (1911) (узнаваемой, но не указанной автором). Следы крови отпечатываются во всех частях «Главы 11», которая заканчивается отражением юного поэта в зеркале со следами размазанной по щеке крови.

Завершились Набоковские чтения 2022 года ставшей уже традиционной «Набоковиадой» — представлением новых изданий, посвященных биографии и творчеству В. В. Набокова. Ж. Хетени рассказала о тематическом сборнике русскоязычных статей «Сдвиги. Узоры прозы Набокова», М. Вайскопф ознакомил слушателей со своим новым исследованием «Агония и возрождение романтизма», а С. Блэкуэлл (США) — со своей книгой «Перо и скальпель. Творчество Набокова и мира науки».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-283-286

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «В. Т. ШАЛАМОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

22–24 сентября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература», в организации которой, помимо ИРЛИ, приняли участие В. В. Есипов (научный руководитель сайта shalakov.ru) и заведующая мемориальным музеем Л. Н. Гумилева — Л. А. Артамошкина. В конференции приняли участие более тридцати исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также из-за рубежа.

Конференцию открыл пленарный доклад В. В. Есипова (Вологда) «Пушкин в художественно-философском сознании Шаламова». По мнению выступающего, в условиях госу-

дарственной несвободы художника Шаламов видел определенное родство своей судьбы с судьбой Пушкина. Особое внимание было уделено обстоятельствам, окружавшим письмо Шаламова в «Литературную газету» (1972) с протестом против политических спекуляций на «Кольымских рассказах» на Западе. Докладчик выразил уверенность, что стихотворение «Славянская клятва» (1973), написанное в продолжение этого письма, может быть отнесено к тому же роду и ряду гневных гражданских произведений отечественной поэзии, что и пушкинское «Клеветникам России». Важный «пушкинский след», связанный с письмом в «Литературную газету», обнаружен в архиве Шаламова: в набросках того периода имеются